

ЧУЖОЕ ПРОШЛОЕ? КАКИЕ ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ ИСКАЛА РОССИЯ НА СВОИХ ВОСТОЧНЫХ ОКРАИНАХ¹

А.И. Филюшкин

Аннотация. В 1901–1903 гг. Министерство внутренних дел Российской империи проводило кампанию по поиску памятников истории. В статье рассматриваются результаты этой деятельности в отношении восточных районов Российской империи – Средней Азии и Кавказа, которые содержали перечень памятников с краткими справками об их истории и современном состоянии. Памятники делились по ведомственной принадлежности – находящиеся в: 1) ведении МВД, 2) в ведении Духовного ведомства, 3) в ведении военных учреждений, 4) в ведении прочих ведомств. В них различали собственно памятники древности, памятники в честь Высочайших особ (представителей династии Романовых) и в честь исторических событий. Спецификой описания памятников в восточных областях Российской империи было наличие здесь останков, связанных с историей древних государств и народов, причем – нехристианских. Во-первых, вставал вопрос, как Российская империя будет учитывать «чужое прошлое». Во-вторых, каким образом она будет адаптировать «пространство истории» к имперским историческим дискурсам. В-третьих, все местные памятники оказывались древнее, чем исторические объекты, связанные с приходом сюда русских. Они чужие и иноверческие, но они потенциально более ценные с научной и культурной точек зрения, чем поздние монументы. В статье рассматривается, какие решения этих проблем предложило МВД.

Ключевые слова: Министерство внутренних дел, памятник истории, охрана памятников истории, историческая память.

Филюшкин Александр Ильич, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9, a.filushkin@spbu.ru.

¹ Статья написана при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10080 «“Мобилизованное средневековье”»: обращение к средневековым образам в дискурсах национального и государственного строительства в России и странах Центрально-Восточной Европы и Балкан в новое и новейшее время».

STRANGE FORETIME? WHAT HISTORICAL MONUMENTS RUSSIA WAS LOOKING FOR ON ITS EASTERN BOUNDARIES

A.I. Filyushkin

Abstract. In 1901–1903 the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire conducted a campaign to search for historical monuments. The article examines the results of this activity with regard to the Eastern regions of the Russian Empire - Central Asia and the Caucasus. Was prepared a list of monuments with brief information about their history and current status. Monuments were divided according to departmental affiliation – relating to: 1) the Ministry of Internal Affairs, 2) Church Department, 3) Military institutions, 4) other departments. They distinguished the monuments of antiquity, monuments in honor of the Highest Persons (members of the Romanov dynasty) and in honor of historical events. Specific description of monuments in the Eastern regions of the Russian Empire was the presence of remains, associated with the history of ancient states and peoples, and – non-Christian. First, the question arose as to how the Russian Empire would take into account the “Strange foretime”. Secondly, how it will adapt the “space of history” to imperial historical discourses. Third, all local monuments were older than historical objects associated with the arrival of Russians here. They were strange and heterodox, but they were potentially more valuable from a scientific and cultural point of view than later Russian monuments. The article examines what solutions the Ministry of Internal Affairs offered to solve these problems.

Keywords: Ministry of Internal Affairs, historical monument, protection of historical monuments, historical memory.

5 марта 1903 г. военный губернатор Карской области генерал-майор Алексей Александрович Самойлов писал Министру внутренних дел Российской империи Вячеславу Константиновичу Плеве: «Препровождая при сем сведения об имеющихся во вверенной мне области памятниках древности, а равно воздвигнутые в честь Высочайших особ и исторических событий, сгруппированные в двух отдельных списках... считаю долгом присовокупить, что более точных сведений о времени постройки и именах строителей старинных церквей и крепостей не представилось возможность добыть на месте, так как большинство преданий о стоящих перед глазами народа развалинах крайне скудны и часто в высшей степени неправдоподобны. Причина такого явления, вероятнее всего, кроется в долговременном рабстве массы местного населения и в полном его невежестве» [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1903 г., д. 8, л. 1].

Почему военный губернатор сетовал Министру внутренних дел, что «туземцы» плохо помнят свою историю? Разве вопросы исторической памяти входили в компетенцию МВД? Приход к власти Николая I в 1825 г. сопровождался резким ростом интереса к прошлому России. В «приведении» забытых событий «в известность» император видел инструмент воспитания патриотических настроений, реального воплощения в жизнь доктрины официальной народности. Народ должен знать свою историю и чтить ее памятники – такова была официальная установка [Заботы императора ... 1877, с. 148–154]. Николай I очень смущало, что подданные слабо представляют, какие свидетельства славного прошлого находятся на их земле [о формировании понятия «памятник истории» в императорской России см.: Формозов, 1976, с. 203–209; Егоров, 1988, с. 100–106; Комарова, 1992, с. 83–102; Зозуля, 1992, с. 160–171].

По государеву указу начался поиск памятников древности. До 1826 г. этим занимались и ученые, и общественность (местные энтузиасты-краеведы). Теперь подключилось государство [историю становления системы охраны памятников истории в имперской России см.: Разгон, 1957, с. 73–128; 1971, с. 292–365]. Высочайшим императорским рескриптом от 31 декабря 1826 г. данная работа была поручена Министерству внутренних дел. Распоряжение гласило, что МВД должно собрать сведения: «В каких городах есть остатки древних замков и крепостей, или других зданий древности, и в каком они положении ныне находятся» [ПСЗ-2, т. I, № 794; Охрана памятников, 1978, с. 39; РГИА, ф. 472, оп. 12, д. 185, 1827 г., л. 2–2 об.].

Правда, деятельность МВД и подчиненных ему административных структур на новом, научном поприще долгое время была малоуспешной. Составить сколь-либо полный список памятников не удалось, с мест поступило слишком мало информации. 3 июня 1837 г. губернаторам вменили в обязанность охрану памятников старины, и реестр памятников стали составлять повторно. Результаты исполнения этого указа также оказались совершенно неудовлетворительными. На основе разысканий МВД в 1838 г. было издано описание древнерусских крепостей и некоторых монастырей [Глаголев, 1838], но оно было крайне фрагментарным.

31 декабря 1842 г. вышел указ о запрещении перестраивать древние церкви [ПСЗ-2, т. XVII, отд. II, № 16401]. 14 февраля 1848 г. Сенат запретил разрушать памятники древности [ПСЗ-2, т. XXIII, отд. I, № 21992]. Была продолжена работа по их выявлению. За нее по-прежнему отвечало МВД, прежде всего Техничко-строительный комитет. В 1857 г. он издал Строительный устав, который запрещал снос и перестройку зданий, возведенных до XVIII в. В 1859 г. начинает свою деятельность Императорская Археологическая комиссия, которая стала главным научным консультантом по вопросам памятников старины.

В 1863 г. вышел очередной циркуляр МВД. Членам губернских и областных статистических комитетов поручалось «приводить в известность» наличные в губернии памятники древности [Сборник циркуляров, 1873, с. 254–255]. В 1866 г. вновь были затребованы сведения о древних зданиях. В 1869 г. вышло предписание доставить чертежи этих зданий [РГИА, ф. 747, оп. 1, д. 148, л. 3]. I Археологический съезд 1869 г. предложил разработать закон об охране памятников древности. Была создана Комиссия по сохранению древних памятников, которая организовала реставрационные работы в Москве, Смоленске, Ростове Великом [Охрана памятников, 1978, с. 100]. В 1877 г. Комиссия А.Б. Лобанова-Ростовского подготовила «Проект правил о сохранении исторических памятников». В 1886 г. Академия Художеств разослала по губерниям опросный лист: «Метрики для получения верных сведений о древне-православных храмах Божиих, зданиях и художественных предметах». В 1889 г. эти метрики затребовала Археологическая комиссия. В них брались на учет все каменные здания, построенные до 1764 г., а деревянные избы – до 1800 г. Было собрано несколько тысяч метрик, но полной картины памятников древности по России все равно создать не удалось. Виной был обычный саботаж местных чиновников: например, из столичной, Санкт-Петербургской губернии прислали... всего 9 метрик [Работкевич, 1999, с. 139–133].

Несмотря на этот бурный процесс обретения памятников истории, в 1898 г. было констатировано, что «меры МВД, к сожалению, не достигли цели». По-прежнему отсутствовал полный перечень памятников. Несмотря на многочисленные указы, было непонятно, кто за них отвечает. Охрану памятников предполагали поручить полиции, полиция не возражала, но требовала точного определения, что такое памятник старины, и списка этих памятников – что, собственно, охранять. Уже в 1898 г. в архивах МВД не могли найти никаких дел, связанных с данным вопросом, несмотря на многочисленные кампании по поиску памятников. Из всего комплекса отчетов за несколько кампаний – 1826, 1837, 1863, 1866 гг. – в архиве МВД обнаружили следы всего двух дел – Д. 287 из Техничко-строительного комитета 1869 г. в трех томах, 356 л. и Дело по Императорской Археологической Комиссии от 1882 г. № 31. Но уже в 1898 г. дело № 287 было утрачено, а прилагавшиеся к нему картинки, как выяснилось, были унесены домой сотрудниками архива МВД тайным советником Маевским и статским советником Чуйкевичем. Советники к 1898 г. умерли, картинки пропали. То ли они их раздали знакомым, то ли продали – неизвестно [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1900 – дела по археологии, д. 30, л. 1–33]. Есть описи пропавших материалов, которые занимают несколько страниц.

В результате было сделано предположение, что все документы сгорели в пожаре архива МВД в 1869 г. Тогда в 1901 г. был издан новый циркуляр МВД об охране и выявлении памятников. На этот раз кампания прошла результативно. Всего по Российской империи было выявлено 2456 памятников архитектуры и 1652 памятников истории, итого 4108 [РГИА, ф. 747, оп. 1, д. 148, л. 108–110].

В настоящей статье мы рассмотрим, как правительственная кампания по поиску памятников истории в 1901–1903 гг. была распространена на восточные окраины Российской державы и какие особенности устройства и саморефлексии имперских властей проявились в данном направлении государственной исторической политики во второй половине XIX – начале XX вв. История открытия и охраны памятников истории в восточных регионах империи изучалась, но преимущественно с двух сторон: через призму деятельности ученых [Соловьев, 2015, с. 67–74; Нарожный, 2017, с. 18–25], научных обществ [Длужневская, 2008, с. 157–164; Колесникова, 2010, с. 55–62; Длужневская, 2014; Алиева, 2016, с. 71–81; Кобахидзе, 2016, с. 149–171], или – на основе записок путешественников и военных, воевавших в регионе [Колосовская, 2016, с. 99–107; Ткаченко, 2017, с. 73–80]. Однако деятельность МВД в области реализации государственной исторической политики в восточных регионах почти не привлекала внимание ученых [обзор историографии см.: Колесникова, 1999; Шматько, 2011].

В Российском государственном историческом архиве хранится комплекс дел за 1901–1903 гг., содержащий отчеты губернаторов перед МВД о поиске и выявлении памятников истории. Это 1284 фонд (Департамент общих дел МВД), описи 186 и 188. Описания делались по циркуляру № 10, разосланному по местным губернским властям. Они содержали перечень памятников с краткими справками об их истории и современном состоянии. Памятники делились по ведомственной принадлежности – находящиеся в: 1) ведении МВД, 2) в ведении Духовного ведомства, 3) в ведении военных учреждений, 4) в ведении прочих ведомств. В них различали собственно памятники древности, памятники в честь Высочайших особ (представителей династии Романовых) и в честь исторических событий [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1903 г. – дела по археологии, дд. 2, 8, 9а, 10; РГИА, ф. 1284, оп. 188, 1902 г., дд. 93, 94, 95, 119, 122, 126, 139, 140, 236, 269, 353, 357, 363, 397].

Спецификой описания памятников в восточных областях Российской империи было наличие здесь останков, связанных с историей древних государств и народов, причем – нехристианских. Это порождало интересную ситуацию. Во-первых, вставал вопрос, как Российская империя будет учитывать «чужое прошлое». Во-вторых, каким образом она будет адаптировать «пространство истории» к имперским историческим дискурсам. В-третьих, все местные памятники оказывались древнее, чем исторические объекты, связанные с приходом сюда русских. Они чужие и иноверческие, но они потенциально ценнее с научной и культурной точек зрения, чем поздние монументы и памятные места. Это обстоятельство нуждалось в какой-то объяснительной формуле.

Проблемы постижения «чужого прошлого», равно как и создания объяснительной модели, в какое место надо помещать памятники древней и средневековой истории Востока, были решены с помощью нескольких имперских дискурсов, перенесенных на новую почву. Прежде всего, это дискурс побежденных врагов. Империя официально определяла восточные народы как врагов поверженных, побежденных, покоренных. То есть как бы уже и не врагов, вражда осталась в давних войнах. Но при этом собственная история побежденных считалась малоинтересной, неважной. Подход российских властей был сугубо колониальный: да, когда-то у этих народов была своя история, и от нее даже остались какие-то памятники. Но сегодня на этих землях живут «аборигены», «туземцы», «дикие невежественные люди», у которых нет и не может быть своей цивилизованной истории, а есть только легенды и предания, которые в своем большинстве «недостовверны». Прошлое этих земель Востока закончилось, мертво, завершено, навсегда осталось в глубине веков. У него нет шансов вернуться или актуализироваться в качестве истории местных народов. Это – всего лишь руины, останки, ценность которых империя признает как памятник древности, экзотический экспонат, «диковину» [о культурологическом значении руин в исторической культуре России см.: Шёнле, 2018].

Что за история за ними стоит – отчеты МВД не углубляются. Так, о башне Сююнбике в Казани сообщается только, что это «памятник татарской старины», что следует из факта – татары почитают башню. «Исследователи же старины, относительно постройки этой башни, расходятся во мнениях: одни приписывают постройку ее татарам, другие русским и относят ее ко временам Иоанна IV, Алексея Михайловича и даже Анны Иоанновны» [РГИА, ф. 1284, оп. 188, д. 363, л. 5 об., 33–44]. О самой Сююнбике ничего неизвестно. Так же невнятно описывается древняя башня Арской крепости – относится к древним временам, по-видимому, построена при Иване Грозном [РГИА, ф. 1284, оп. 188, д. 363, л. 9 об.]. По той же схеме описываются памятники Карской области: «то ли дворец католика, то ли мечеть» [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1903 г. – дела по археологии, д. 8, л. 8–10]. Много объектов, особенно фортификационных сооружений (башен, развалин крепостей), определяются как «древние постройки», которые, «по-видимому», были построены местным населением (за неимением других возможных претендентов на роль строителей). Но чиновники МВД пишут, что история этих памятников в большинстве случаев почти не известна.

Из местных памятников Средней Азии и Кавказа выделяли большей частью крепости и мечети. В них отмечали реликвии и захоронения мусульманских святых, но писали о них дилетантски, не выказывая глубоких знаний основ ислама. Например, в с. Шихово Бакинского уезда описывается «гробница Биби», «чтимую мусульманами за святую», «потомку Магомета» (обратим внимание на лексику). В селении Сурахайм под Баку как памятник истории обозначен «индийский монастырь огнепоклонников» с колодцем, «выделяющим горючий газ», с помощью которого они сжигали своих мертвецов [РГИА, ф. 1284, оп. 188, д. 126, л. 4–6]. Наиболее масштабное описание мечетей приводится в перечне памятников Самарканда, в том

числе – знаменитой Гур-Эмир «над гробницей Тамерлана» [РГИА, ф. 1284, оп. 188, д. 236, л. 1–10]. В Сырдарьинской области находились несколько могил мусульманских святых (отчеты в искаженном виде передают их имена: Аулиеат (Карахан), Тек-Тур-Маз (Мемахмут-хан). Примечательно, что МВД оценивает их состояние и высчитывает, сколько необходимо выделить денег на ремонт, то есть ощущает ответственность за разрушение и восстановление мусульманских гробниц [РГИА, ф. 1284, оп. 188, д. 94, л. 2–4].

Как пример текста из отчетов МВД приведем описание главных мечетей Дагестана: «Селение Кумух. Главная мечеть, построенная, по преданию, в 777 г. Абу-Муслимом. В верхней части мечети замечательный по богатству письма экземпляр Корана 702–704 мусульманской эры. “Джума-мечеть”, главная (соборная) городская мечеть, находящаяся в мусульманской части города (Дербента. – А.Ф.). Каменное, довольно красивое здание мечети, с большим куполом воздвигнуто, по преданию, в 18 веке христианской эры Маслам бек Абдул-Меликом, арабским полководцем, завоевателем Дербента. По одной персидской надписи на воротах мечети, мечеть упала и была возобновлена в 1368–1369 г. по Р. Х... На севере от города около версты находится кладбище “Кырхляр”, Сороковик, на котором, по преданию, похоронены 40 воинов из первого арабского ополчения при Османе. На кладбище много памятников, между которыми много под потомками последних владельцев Дербента Главная и вероятно, самая древняя часть его обгорожена каменными толстыми могильными плитами... Аварский округ. В селении находится гробница, по преданию, арабского полководца Абу-Муселима, введенного в Аварии ислама в 18 веке, над гробницей домик новой постройки, кроме одной старой стены и мечеть, при гробнице плащ или халат Абу-Муселима, на нем обозначен 150 г. иджры, и его сабля, Коран писан лет 300 назад» [РГИА, ф. 1284, оп. 188, д. 122, л. 4–8].

Причем данная узость оценки древних памятников и краткость описания со ссылками на некие «предания» наблюдается и при описании кавказских областей с преобладанием христианского населения – Тифлисской и Эриванской губерний. Из местных объектов в фокусе внимания древние крепости, церкви и монастыри [Ф. 1284, оп. 186, 1903 г. – дела по археологии, д. 2, л. 1–49; РГИА, ф. 1284, оп. 188, д. 119, л. 1–13]. Легендарным строителем многих сооружений выступает грузинская царица Тамара. Упоминаются и другие грузинские и армянские «цари» древности. События прошлого, связанные с обороной этих крепостей, излагаются не слишком подробно. Зато особо отмечается взятие их русскими войсками.

В описании Таврической губернии мало объектов истории крымских татар. Главными являются Бахчисарайский дворец и Евпаторийская мечеть 1552 г., также содержится указание на некоторые второстепенные объекты, такие как, к примеру, татарские бани. Зато подробно описываются генуэзская крепость (помещена даже ее схема с пояснениями), крепость «тавроскифов» на Перекопе [РГИА, ф. 1284, оп. 188, д. 353, л. 2–12], то есть безобидные, «мертвые» объекты, которые ни в ком не могут пробудить историческую память, а играют роль только древних экзотических руин. Отношение населения к памятникам, особенно мусульманским, было

иным – авторы описаний постоянно упоминают, что «туземцы» поклоняются святыням. Но это обстоятельство, как видно, учитывалось при составлении перечня МВД в недостаточной степени.

Исключением в описании восточных областей империи является история Карской области, где подробно изложена история армян с перечислением связанных с ней древних памятников. Например, детально описаны развалины г. Ани – как сказано в документе, «столицы древней Армении» [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1903 г. – дела по археологии, д. 8, л. 1–30].

Из древних памятников МВД обратило внимание на Дербентскую крепость. В отчете отмечено, что есть легенды об основании крепости персидским царем Лехраспом или самим Александром Македонским. Эти сведения отмечаются как недостоверные, но тут же оговаривается, что научного описания твердыни не существует, про нее ничего толком не известно. Поэтому можно только описать укрепления: «Стены тянутся по обе стороны города: одна на южной, другая на северной на протяжении около двух верст, расстояние между ними, в общем, менее полуверсты. Стены сложены из больших, снаружи весьма чисто обтесанных камней, в некоторых местах имеют более одной сажени в ширину, а в высоту от 5 до 8 саж. Так как стены, начинаясь от моря, поднимаются в гору, то кладка их идет уступами: между двумя плитами, положенными вдоль, третья стоит ребром и таким образом один ряд выведен над другим. В небольшом расстоянии одна от другой устроены в стенах башни, особенно многочисленные с северной стены. В стенах устроено несколько ворот, выведенных круглым сводом, над многими из них имеются куфические надписи. Южная стена в нескольких местах при расширении города разобрана, северная же разрушена только на берегу моря... В виду глубокой древности знаменитых стен, хотя, конечно, не восходящей до Александра Великого, никогда не бывшего на Кавказе, крайне желательно, если не предпринять мер к их полному сохранению, по крайней мере, составить им полное и точное описание, со снятием планов, профилей, видов и т.п. Исполнение подобной работы потребует, как научных, так и денежных средств, которых на месте нельзя найти. Во всяком случае, исправление некоторых осыпавшихся от времени мест в городских стенах, потребуется приблизительно до 1000 рублей. На западном возвышенном конце города стены соединяются с "Нарын-Кале", цитаделью, господствующую над городом. По преданию, она построена одновременно со стенами, но по научному виду, постройка принадлежит к позднему времени и стены ее не имеют той тщательной и массивной постройки, какую отмечают городские. Цитадель служила резиденцией дербентских ханов, потом дербентских комендантов и войск гарнизона. В ней находятся казармы, службы и обильное водохранилище каменной кладки... В настоящее время цитадель войсками не занимается и здания ее все более приходят в ветхость и частью разобраны. Цитадель состоит в ведении Дагестанской инженерной дистанции и охраняется караулом от Гунибского резервного батальона. Средств на ее поддержание не отпускается» [РГИА, ф. 1284, оп.188, д. 122, л. 2–4].

В ряде случаев памятники древности не идентифицировались. Например, при описании среднеазиатских областей области чиновники МВД отмечали, что много объектов в виде «городищ», но как они назывались в прошлом, кто жил в этих городах, что здесь происходило – местные жители не знают в силу собственной дикости и утраты исторической памяти.

Зато в отчетах МВД содержатся многочисленные описания памятников в честь проникновения Российской империи в регион, маркирующих вехи его завоевания и присоединения к единой державе. Описывается множество монументов, как официальных, так и самодеятельных, поставленных в память павших русских воинов, погибших при завоевании бывших мусульманских государств и обороны Кавказа и Средней Азии от персов, турок, «бухарцев» и др. Такие монументы упоминаются в каждом деле. В описании памятников Казанской губернии центральное место занимает описание памятника о покорении Иваном Грозным Казани [РГИА, ф. 1284, оп. 188, д. 363, л. 7 об–8 об.]. Кроме того, есть дела по отдельным памятникам [например: РГИА, ф. 1293, оп. 109, д. 176, 1913 г., л. 1–6]. Под Шурой было сооружено целое мемориальное кладбище, которое было описано в отчете для МВД: «Около полуверсты от города, в северо-восточном направлении, налево от шоссе, на холме находится так называемое военное кладбище с каменными надгробными памятниками с надписями имен погребенных здесь героев Кавказской войны, обнесенное каменной оградой. Весной 1887 года Командующий войсками Кавказского военного округа, генерал-адъютант князь А.М. Дондуков-Корсаков, в бытность свою в г. Т.Х. Шуре, обратил внимание на запущенное состояние старого кладбища на западе от города с полуразрушенными могилами героев Кавказской войны, хотел сохранить их, как памятник прошлого. Так как привести в порядок старое кладбище было невозможно, остановились на мысли выделить из общего кладбища останки героев, которые можно было еще найти и перенести их в одну общую войсковую усыпальницу. Место для последней было готово, вышеозначенный холм, в недрах которого покоился прав генерала Ракусы (†1862 г.), подполковника Евдокимова (†1847 г.) и некоторых других, надгробные памятники которых лежали в развалинах. Этот холм был обращен в военное кладбище. Его привели в порядок. Подняли и укрепили валявшиеся памятники, обнесли каменной стеной и посадили деревьями. 5 июня 1889 года сюда был торжественно перенесен из старого кладбища прах бывшего командира Апшеронского полка генерал-майора графа Ивелича, того же полка подполковника Абрашенко и поручика Писарева, павших в 1837 году во время экспедиции в Гимры; Дагестанского полка поручика Мольского, Нижегородского драгунского полка подполковника Золотухина и прапорщика князя Ратиева, убитых 8 апреля 1851 года в деле с Хаджи-Муратом, вблизи села Атлы-Буюн. Три первые были погребены в одной могиле, направо от нее Мольский, налево в одной могиле два последние. Памятники и ограда каменные, сооружены на средства военного ведомства и состоят в его ведении» [РГИА, ф. 1284, оп. 188, д. 122, л. 12–16].

Также выделялись места, связанные с жизнью здешних повстанцев, побежденных Россией. Особое место в отчетах МВД занимает аул Гуниб. Здесь был памятник

в виде каменного оштукатуренного выбеленного столба, вокруг которого положены орудия, отнятые в 1859 году у Шамиля. На столбе надпись: «Орудий 16, снарядов 294. Дагестан 1859 г.». Там же стоял памятник Апшеронскому полку с надписью: «Апшеронцам за Гуниб». Согласно отчету, «На верхнем плато Гуниба, березовой роще, находящейся в ведении Гунибского лесничего министерства земледелия и государственных имуществ, каменная стена над камнем, на котором восседал 25 августа 1859 г. князь А.И. Барятинский, принимая пленного Шамиля». При этом сама стена была возведена только в 1892–1893 гг., поэтому достоверность камня и места обусловлена исключительно местными преданиями. Приведем ее описание: «Стена состоит из четырех каменных столбов из белого урминского камня, прикрытых каменным же куполом, забутка над которым в виде крыши оштукатурена цементным раствором. Три стороны стены представляют арки, а четвертая, задняя сторона, забрана каменной стеной, имеющей в себе круглое отверстие с металлическим изображением Георгиевского креста, над отверстием прикреплена чугунная доска, окрашенная в серую масляную краску с надписью: “На сем камне восседал генерал-фельдмаршал Барятинский, принимая пленного Шамиля в 1859 году 25 августа”, на задней стороне задней плиты такая же доска с надписью: “Стена сия сооружена в царствование Императора Александра 3 распоряжением командующего войсками Кавказского военного округа генерал-адъютанта генерал от кавалерии С.А. Шереметева в 1892 году”. Под куполом стены на железном стержне укреплен медный трехсторонний орел над шаром и под короною. Под стеной лежит камень. Вокруг стены березовая роща» [РГИА, ф. 1284, оп. 188, д. 122, л. 8–10].

Описывается множество монументов, как официальных, так и самодельных, поставленных в память павших русских воинов, погибших при обороне Кавказа от персов и турок. Приведем описание одного из таких памятников в Эриванской губернии: «Близ села Сараль, Александропольского уезда, на левом берегу реки Бамбак-чай, в 40 сажнях от шоссеной дороги, идущей от села Делижань в гор. Александрополь, воздвигнут памятник в 1804–1805 г.г. в честь убитого в 1804 г. майора Монтрезора; на северном углу этого памятника, посредине, укреплена оловянная доска с нижеследующей надписью: «На этом месте 27 августа 1804 г. убит храбрый майор Тифлисскаго пехотного полка Монтрезор со сборною командою в 100 человек, следовавших с запасами к отряду под Эривань, он был атакован и окружен 6000 персиян под начальством Эмир Кули-Хана и лег на месте со всеми его сподвижниками. При возвращении князя Цицианова из-под Эривани, тела героев были найдены 13-го сентября Бригад-Майором при отряде, гвардии Капитаном, графом Воронцовым, впоследствии наместником и Главнначальствующим на Кавказе... Памятник этот, построенный из черного камня, выкрашенный простою сизою краскою вышиною 4 аршина 11 вершков; общий вид его представляет правильную четырехгранную пирамиду с боковыми гранями и равносторонними треугольниками. Площадка, на которой стоит памятник, обведена с трех сторон с севера, востока и запада, рвом, а южная сторона заканчивается обрывистым берегом реки Бамбак-чай. По заявлению местных старожилов, покойный майор

Монтрезор был убит на месте поставленного памятника» [РГИА, ф. 1284, оп. 188, д. 119, л. 5 об.]. Памятник сохранился до нашего времени, находится под Спитаком.

Отдельных памятников удостаивались военные и административные чины, участвовавшие в покорении края. Примечательно, что, если верить отчетам МВД, в ряде случаев инициаторами из установки выступали местные жители. Так, памятник князю Цицианову в Баку был поставлен на средства «гражданина г. Баку» Т. Айвазова [РГИА, ф. 1284, оп. 188, д. 126, л. 9].

При этом памятники истории, связывающие край с Российской империей, моделировались. В Грозном была легендарная «землянка генерала Ермолова» [РГИА, ф. 1284, оп. 188, д. 397, л. 3] (насколько она сохранилась и в самом деле связана с Ермоловым, вопрос остается открытым). В Дербенте в конце XIX в. показывали некую «землянку Петра Великого». Она была официально обретена в 1848 г., когда Наместник Кавказа князь М.С. Воронцов велел обнести ее каменной оградой, столбами с якорными цепями, и повесить табличку: «Место первого отдохновения Петра Великого 23.08.1722 г.». К этому же году относится и ее первое графическое изображение [Гаджиев и др., 2015, с. 165–182]. Поскольку землянка Петра представляла из себя земляную хижину, очень сомнительно, что она могла сохраниться 120 лет без специального ремонта и поддержки. Скорее речь могла идти о месте, районе, где в 1722 г. останавливался Петр. В отчете МВД сказано, что еще в 1842 г. старожилы утверждали, что от эпохи Петра в городе оставалась только земляная насыпь, и не упоминали землянку [РГИА, ф. 1284, оп. 188, д. 122, л. 2–16].

Еще одним способом маркировки восточных территорий как российских была постановка здесь таких же памятников, как во всей остальной империи. Здесь были экзотические случаи, как, например, установка в 1895 г. в г. Каркаралинске Семипалатинской области по инициативе местных горожан памятника 900-летию Крещения Руси [РГИА, ф. 1294, оп. 188, д. 93, л. 2–3]. Примечательно, что на землях, которые можно соотнести с Древней Русью, правительство очень требовательно относилось к установке подобных памятников [РГИА, ф. 1284, оп. 187, 1901 г., д. 170, л. 1–4]. Празднования 900-летия Крещения проходили в основном в Киеве и Санкт-Петербурге и разворачивались вокруг храмов и ранее поставленных монументов (например, киевского памятника князю Владимиру-Крестителю) [РГИА, ф. 473, оп. 2, д. 47, л. 1–23]. Поэтому установку такого памятника в Каркаралинске следует считать уникальным, но очень показательным случаем попытки идеологической унификации ценностных ориентиров в рамках Российской империи.

Но в основном к числу типовых имперских памятников относились различные памятные знаки, связанные с увековечиванием последних представителей царской фамилии и их различных деяний. Они были двух типов: в честь визитов членов великокняжеской фамилии (триумфальные арки и обелиски) и в память разных событий (чудесные спасения Александра II от покушений цареубийц, Александра III и царской фамилии при крушении поезда и т.д.). В систему восхваления монархии даже включались местные религиозные центры, возводящие свои моленные

сооружения в честь 300-летия дома Романовых [РГИА, ф. 1293, оп. 109, д. 156, л. 1–4]. Причем на них местные общины в порыве верноподданничества пытались разместить несвойственные им символы – например, двуглавого орла на дацане [РГИА, ф. 1293, оп. 110, д. 81, л. 4], или построить мечеть с элементами... стилистики православной церкви [РГИА, ф. 1293, оп. 108, д. 62, л. 4]. В телеграмме Министру Внутренних дел от 23 июня 1912 г. мусульмане Астрахани выражали «желание нашего прихода скорей начать постройку и выразить его величеству верноподданические чувства любви и преданности» [РГИА, ф. 1293, оп. 108, д. 62, л. 9]. Примечательно, что имперские власти реагировали на подобные акции с недоумением, а Техничко-строительный комитет МВД не утверждал подобные проекты.

Имперский центр порой проявлял большую заботу о национальном культурном наследии, чем регионы. В 1913 г. Бахчисарайская городская дума вынесла предложение поставить рядом с бывшим дворцом крымского хана памятник-фонтан в честь 300-летия дома Романовых. Памятные фонтаны – мусульманский вариант памятников, в Бахчисарае уже был один, поставленный мусульманской общиной в честь чудесного спасения Александра III и его семьи в 1888 г. при крушении поезда на станции Борки [Об охранении памятников древности Таврической губернии, л. 2–4].

2 октября 1913 г. Собрание Императорской Академии Художеств забраковало памятник. «Проектируемый фонтан является совершенно неподходящим для площади, окруженной такими зданиями, как мечеть, надгробные памятники и старинные дворцовые постройки Бахчисарая. Это вновь проектируемое сооружение по своему обыденному характеру, усугубляемое разбивкой газонов современного городского типа, ничего ясно не указывающее, как памятник, и лишенное изящества, не только не украсит данной местности, но будет в резкой дисгармонии с окружающими зданиями, а посему весьма затруднительно предложить какие-либо указания для исправления представленного проекта. Более целесообразным, в виду важности значения этого сооружения, как памятника 300-летия Царствования Дома Романовых, было бы объявление конкурса на составление нового проекта. При этом было бы желательно место для фонтана-памятника перенести в глубь двора, поставив его так, чтобы он ограничивал с этой стороны площадь, занятую наиболее интересными зданиями, и отчасти скрыл бы постройки в задней части двора, исторического или художественного значения не имеющие. При таком местонахождении фонтана разница в стиле не нарушала бы целостности площади, окруженной старинными зданиями, и самый фонтан мог бы оказаться более заметным на фоне зелени» [РГИА, ф. 1284, оп. 188, д. 353, л. 2–4].

Таким образом, Российская империя, с одной стороны, отдавала определенную дань памяти прошлому покоренных народов. В то же время, как уже говорилось, она не желала актуализировать их историю, создать ситуацию, когда данные памятники и связанные с ними образы могли бы стать основой современной национальной идентичности «туземцев». В какой-то степени она консервировала их древнее и средневековое прошлое (когда они были независимы, имели свои государства и своих правителей) как пример «восточной экзотики». Заметим,

что именно с «мобилизацией средневековья», апелляцией к средневековым образам и идентичностям был связан рост национализма и национально-освободительного движения народов Восточной Европы в XVIII–XX вв. В Средней Азии и Закавказье картина была иная: при распаде Российской империи и обретении шанса на независимость в 1918–1920 гг. этим ресурсом местные элиты не воспользовались.

Империей проводилась специальная историческая политика по активному распространению на данную территорию символов российской истории. Она также имела двойной характер. С одной стороны, формировалось общее поле имперской памяти (одни и те же памятники стояли от Варшавы до Сахалина и от Архангельска до Бухары и Самарканда). С другой, увековечивая в мемориалах память русских воинов и политиков, присоединявших край, Россия отдавала им необходимую дань уважения и памяти. Для участников этого процесса подобные символы государственного признания и благодарности, символы воинских побед, конечно, имели большое значение.

Другое дело, как оценить эффективность российской имперской исторической политики. По сути, в Средней Азии и на Кавказе происходило масштабное переформатирование исторической памяти регионов. Фиксировалась воплощенная в памятниках его новая история, а существование прошлой, доимперской допускалось только в виде руин, экзотики, памятников древней архитектуры. В прошлом региона не видели ни полезного исторического опыта, ни уроков, которые можно было бы усвоить. Однако данная историческая политика оказалась совершенно чуждой местному населению. Пока была империя, оно демонстрировало лояльность и даже посвящало династии дацаны и мечети. Но вместе с гибелью «старой России», вместе с царской фамилией и МВД, в 1917 г. всё, связанное с ними, моментально исчезло без следа. Достигнутые результаты оказались удивительно нестойкими.

Данный «урок неэффективности» следует учитывать и сегодня при осуществлении исторической политики путем трансляции исторической памяти через монументы и искусственное создание одних «мест памяти» и замалчивание других. Путь забывания чужого прошлого и насаждения своего видения истории обманчив. Он кажется успешным, пока за ним стоит власть. Когда она слабеет, выясняется, что искусственно культивируемая историческая политика сама по себе не может переформатировать глубинные основы национальных и этнокультурных традиций.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алиева А.И. Кавказское отделение Императорского Археологического общества // *Известия Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева*. 2016. № 20. С. 71–81.

Гаджиев М.С., Абиев А.К., Будайчиев А.Л., Абдуллаев А.М. Исследования выявленно-го объекта культурного наследия «Домик Петра I» в Дербенте // *Вестник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН*. 2015. № 3. С. 165–182.

Глаголев А.Г. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников, составляемое при Министерстве внутренних дел А. Глаголевым. Ч. 1. Тетрадь 1: о русских крепостях. Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1838. 52 с.

Длужневская Г.В. Археологические исследования в Центральной части России и на Кавказе: По документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН. СПб.: Лема, 2014. 216 с.

Длужневская Г.В. Изучение памятников Средней Азии в период деятельности Императорской Археологической комиссии (1859–1917): фотоматериалы Научного архива Института истории материальной культуры РАН // *Российская археология*. 2008. № 3. С. 157–164.

Егоров В.Л. Развитие и становление понятия «памятник истории» // *История СССР*. 1988. № 1. С. 100–106.

Заботы императора Николая Павловича о сохранении памятников отечественных древностей и старины // *Русская старина*. Т. XIX. СПб., 1877. Май. С. 148–154.

Зозуля Л.И. Понятие «исторический памятник» в России в XIX – начале XX века // *Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. Труды НИИ Культуры*. М.: НИИ Культуры, 1992. С. 160–171.

Кобахидзе Е.И. Из истории создания Терского областного музея // *Известия Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева*. 2016. № 22. С. 149–171.

Колесникова М.Е. Историко-краеведческая деятельность на Северном Кавказе в к. XVIII – 20–30-е гг. XX в. (по материалам Ставрополя): дис. ... к.и.н. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 1999. 226 с.

Колесникова М.Е. У истоков отечественного кавказоведения: академические экспедиции на Северный Кавказ во второй половине XVIII – начале XIX в. // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2010. № 1. С. 55–62.

Колосовская Т.А. К проблеме сохранения исторической памяти в контексте военно-мемориальной деятельности на Северном Кавказе во второй половине XIX в. // *История: Факты и символы*. 2016. № 3. С. 99–107.

Комарова И.И. Церковно-археологические учреждения и охрана памятников культуры в России конца XIX – начала XX в. // *Археологический ежегодник за 1990 год*. М., 1992. С. 83–102.

Нарожный Е.И. В.Н. Татищев и Екатерина II: Первые шаги в изучении средневековых памятников Северного Кавказа // *Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева*. 2017. № 24. С. 18–25.

Охрана памятников истории и культуры в России: XVIII – начало XX вв.: сборник документов / отв. ред. Л.Г. Бескровный. М.: Без издательства, 1978. 356 с.

Работкевич А.В. Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в России в XVIII – начале XX века: дис. ... кандидата культурологии. М.: Гуманитарный университет, 1999. 281 с.

Разгон А.М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861–1917) // *История музейного дела в СССР*. Вып. 1. Труды НИИ музееведения. М.: НИИ музееведения, 1957. С. 73–128.

Разгон А.М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (XVIII в. – первая половина XIX в.) // *Очерки по истории музейного дела в России*. Вып. 7. Труды НИИ Культуры. М.: НИИ культуры, 1971. С. 292–365.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 472. Оп. 12. Д. 185.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 473. Оп. 2. Д. 47.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 747. Оп. 1. Д. 148.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 186. 1900-дела по археологии. Д. 30.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 186, 1903 г. – дела по археологии. Д. 2, 8, 9а, 10.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 187, 1901 г. Д. 170.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 188, 1902 г. Д. 93, 94, 95, 119, 122, 126, 139, 140, 236, 269, 353, 357, 363, 397.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1293. Оп. 108. Д. 62.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1293. Оп. 109. Д. 120, 156, 176.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1293. Оп. 110. Д. 81.

Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1862, 1863 и 1864 годы. Санкт-Петербург: Министерство внутренних дел, 1873. 356 с.

Соловьев В.С. Д.Н. Логофет – исследователь Восточной Бухары // *История: Факты и символы*. 2015. № 3. С. 67–74.

Ткаченко Д.С. Образ генерала П.С. Котляревского в имперской идеологии и мемориальной деятельности на Кавказе в XIX в. // *История: Факты и символы*. 2017. № 1. С. 73–80.

Формозов А.А. Когда и как складывались современные представления о памятниках русской истории // *Вопросы истории*. 1976. № 10. С. 203–209.

Шёнле А. Архитектура забвения: руины и историческое сознание в России нового времени. М.: НЛО, 2018. 358 с.

Шматько О.М. Становление российской системы охраны историко-культурного наследия в XIX – первой трети XX вв. (на материалах памятников Северного Кавказа): дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2011. 215 с.

REFERENCES

- Alieva A.I. Kavkazskoe otdelenie Imperatorskogo Arkheologicheskogo obshchestva [Caucasus Department of the Imperial Archaeological Society], in: *Izvestiia Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniim. V.I. Abaeva*. 2016. No. 20. P. 71–81 (in Russian).
- Gadzhiev M.S., Abiev A.K., Budaichiev A.L., Abdullaev A.M. Issledovaniia vyavlennoogo ob"ekta kul'turnogo naslediiia «Domik Petra I» v Derbente [Studies of the subject of the cultural heritage "The House of the Peter the First" in Derbent], in: *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii Dagestanskogo Instituta RAN*. 2015. No. 3. P. 165–182 (in Russian).
- Glagolev A. G. *Kratkoe obozrenie drevnykh russkikh zdanii i drugikh otechestvennykh pamiatnikov* [A brief review of ancient Russian buildings and other domestic monuments]. Part 1. Copybook 1: O russkikh krepostiakh. St. Petersburg: Tipografiia Ministerstva vnutrennikh del, 1838. 52 p. (in Russian).
- Dluzhnevskaiia G.V. *Arkheologicheskie issledovaniia v Tsentral'noi chasti Rossii i na Kavkaze: Po dokumentam Nauchnogo arkhiva Instituta istorii material'noi kul'tury RAN* [Archaeological research in Central Russia and the Caucasus: According to the documents of the Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg: Lema, 2014. 216 p. (in Russian).
- Dluzhnevskaiia G.V. Izuchenie pamiatnikov Srednei Azii v period deiatel'nosti Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii (1859–1917): fotomaterialy Nauchnogo arkhiva Instituta istorii material'noi kul'tury RAN [The study of monuments of Central Asia during the activities of the Imperial Archaeological Commission (1859–1917): photographic materials of the Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences], in: *Rossiiskaia arkheologiiia*. 2008. No. 3. P. 157–164 (in Russian).
- Egorov B.L. Razvitie i stanovlenie poniatiiia «pamiatnik istorii» [The development of the definition a "monument of history"], in: *Istoriia SSSR*. 1988. No 1. P. 100–106 (in Russian).
- Zaboty imperatora Nikolaia Pavlovicha o sokhranении pamiatnikov otechestvennykh drevnostei i stariny [Cares of the Emperor Nikolai Pavlovich on the preservation of monuments of national antiquities], in: *Russkaia starina*. 1877. T. XIX. 1877. P. 148–154 (in Russian).
- Zozulia L.I. Poniatie «istoricheskii pamiatnik» v Rossii v XIX – nachale XX veka [The concept of "historical monument" in Russia in the XIX – early XX century], in: *Voprosy okhrany i ispol'zovaniia pamiatnikov istorii i kul'tury. Trudy NII Kul'tury*. Moscow: NII Kul'tury, 1992. P. 160–171 (in Russian).
- Kobakhidze E.I. Iz istorii sozdaniia Terskogo oblastnogo muzeia [About the history of the creation of the Tersk Regional Museum], in: *Izvestiia Severo-Osetinskii institut gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniim. V.I. Abaeva*. 2016. No. 22. P. 149–171 (in Russian).
- Kolesnikova M.E. *Istoriko-kraevedcheskaia deiatel'nost' na Severnom Kavkaze v k. XVIII – 20–30-e gg. XX v. (po materialam Stavropol'ia)* [Historical and regional studies in the North

Caucasus in the XVIII – 20–30-ies. XX century. (based on the materials of the Stavropol District)]. Dissertatsiia... k.i.n. Stavropol': Stavropol'skii gosudarstvennyi universitet, 1999. 226 p. (in Russian).

Kolesnikova M.E. U istokov otechestvennogo kavkazovedeniia: akademicheskie ekspeditsii na Severnyi Kavkaz vo vtoroi polovine XVIII – nachale XIX v. [At the origins of the domestic Caucasus studies: academic expeditions to the North Caucasus in the second half of the XVIII – early XIX century], in: *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*. 2010. No. 1. P. 55–62 (in Russian).

Kolosovskaia T.A. K probleme sokhraneniia istoricheskoi pamiatii v kontekste voenno-memorial'noi deiatel'nosti na Severnom Kavkaze vo vtoroi polovine XIX v. [To the problem of preserving historical memory in the context of military memorial activities in the North Caucasus in the second half of the 19th century], in: *Istoriia: Fakty i simvoly*. 2016. No. 3. P. 99–107 (in Russian).

Komarova I.I. Tserkovno-arkheologicheskie uchrezhdeniia i okhrana pamiatnikov kul'tury v Protection of historical and cultural monuments in Russia: XVIII – early XX centuries: Collection of documents cultural monuments in Russia at the end of the XIX – beginning of the XX century.], in: *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1990 god*. Moscow, 1992. P. 83–102 (in Russian).

Narozhnyi E.I. V.N. Tatishchev i Ekaterina II: Pervye shagi v izuchenii srednevekovykh pamiatnikov Severnogo Kavkaza [V.N. Tatishchev and Catherine II: The first steps in the study of medieval monuments of the North Caucasus], in: *Izvestiia Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovanii im. V.I. Abaeva*. 2017. No. 24. P. 18–25 (in Russian).

Beskrovnyi L.G. (ed.) *Okhrana pamiatnikov istorii i kul'tury v Rossii: XVIII – nachalo XX vv.: Sbornik dokumentov* [Protection of historical and cultural monuments in Russia: XVIII – early XX centuries: Collection of documents]. Moscow: Bez izdatel'stva, 1978. 356 p. (in Russian).

Rabotkevich A.V. *Gosudarstvennaia politika v oblasti okhrany pamiatnikov istorii i kul'tury v Rossii v XVIII – nachale XX veka* [State policy of protection of monuments of history and culture in Russia in the XVIII – early XX century]. Dissertatsiia... kandidata kul'turologii. Moscow: Gumanitarnyi universitet, 1999. 281 p. (in Russian).

Razgon A.M. Okhrana istoricheskikh pamiatnikov v dorevoliutsionnoi Rossii (1861–1917) [Protection of historical monuments in pre-revolutionary Russia (1861–1917)], in: *Istoriia muzeinogo dela v SSSR. Vol. 1. Trudy NII muzevedeniia*. Moscow: NII muzevedeniia, 1957. P. 73–128 (in Russian).

Razgon A.M. Okhrana istoricheskikh pamiatnikov v dorevoliutsionnoi Rossii (XVIII v. – pervaiia polovina XIX v.) [Protection of historical monuments in pre-revolutionary Russia (the 18th century – the first half of the 19th century)], in: *Ocherki po istorii muzeinogo dela v Rossii. Vol. 7. Trudy NII Kul'tury*. Moscow: NII kul'tury, 1971. P. 292–365 (in Russian).

Rossijski gosudarstvennyi istoricheskij archive [Russian State Historical Archive] (RGIA). F. 472. Op. 12. D. 185.

- Rossijski gosudarstvennyj istoricheskij archive* [Russian State Historical Archive] (RGIA). F. 473. Op. 2. D. 47.
- Rossijski gosudarstvennyj istoricheskij archive* [Russian State Historical Archive] (RGIA). F. 747. Op. 1. D. 148.
- Rossijski gosudarstvennyj istoricheskij archive* [Russian State Historical Archive] (RGIA). F. 1284. Op. 186. 1900 – dela po arkeologii. D. 30.
- Rossijski gosudarstvennyj istoricheskij archive* [Russian State Historical Archive] (RGIA). F. 1284. Op. 186, 1903 g. – dela po arkeologii. D. 2, 8, 9a, 10.
- Rossijski gosudarstvennyj istoricheskij archive* [Russian State Historical Archive] (RGIA). F. 1284. Op. 187, 1901 g. D. 170.
- Rossijski gosudarstvennyj istoricheskij archive* [Russian State Historical Archive] (RGIA). F. 1284. Op. 188, 1902 g. D. 93, 94, 95, 119, 122, 126, 139, 140, 236, 269, 353, 357, 363, 397.
- Rossijski gosudarstvennyj istoricheskij archive* [Russian State Historical Archive] (RGIA). F. 1293. Op. 108. D. 62.
- Rossijski gosudarstvennyj istoricheskij archive* [Russian State Historical Archive] (RGIA). F. 1293. Op. 109. D. 120, 156, 176.
- Rossijski gosudarstvennyj istoricheskij archive* [Russian State Historical Archive] (RGIA). F. 1293. Op. 110. D. 81.
- Sbornik tsirkuliarov i instruksii Ministerstva vnutrennikh del za 1862, 1863 i 1864 gody* [Collection of circulars and instructions of the Ministry of Internal Affairs for 1862, 1863 and 1864]. St. Petersburg: Ministerstvo vnutrennikh del, 1873. 356 p. (in Russian).
- Solov'ev V.S. D.N. Logofet – issledovatel' Vostochnoi Bukhary [D.N. Logloget – a researcher of Eastern Bukhara], in: *Istoriia: Fakty i simvol'y*. 2015. No. 3. P. 67–74 (in Russian).
- Tkachenko D.S. Obraz generala P.S. Kotliarevskogo v imperskoi ideologii i memorial'noi deiatel'nosti na Kavkaze v XIX v. [The image of General P.S. Kotlyarevsky in the imperial ideology and memorial activity in the Caucasus in the XIX century], in: *Istoriia: Fakty i simvol'y*. 2017. No. 1. P. 73–80 (in Russian).
- Formozov A.A. Kogda i kak skladyvalis' sovremennye predstavleniia o pamiatnikakh russkoi istorii [When and how modern ideas about monuments of Russian history were developed?], in: *Voprosy istorii*. 1976. No. 10. P. 203–209 (in Russian).
- Shenle A. *Arkhitektura zabvenii: ruiny i istoricheskoe soznanie v Rossii novogo vremeni* [Architecture of oblivion: ruins and historical consciousness in Russia of modern times]. Moscow: NLO, 2018. 358 p. (in Russian).
- Shmat'ko O.M. *Stanovlenie rossiiskoi sistemy okhrany istoriko-kul'turnogo naslediiia v XIX – pervoi treti XX vv. (na materialakh pamiatnikov Severnogo Kavkaza)* [Formation of the Russian system of protection of historical and cultural heritage in the XIX – first third of XX centuries. (on the materials of the monuments of the North Caucasus)]. Dissertatsiia... kand. ist. nauk. Stavropol': Stavropol'skii gosudarstvennyi universitet, 2011. 215 p. (in Russian).